

Стоп-кадр

Поздним летом семьдесят четвертого года Ираклий Луарсабович Андроников предпринял путешествие по Верхневолжью.

В ту пору находился он в зените громкой и заслуженной славы; был любим и почитаем всенародно, нес на своих плечах вместе с высокими титулами и званиями несчетное число всевозможных поручений и обязанностей, готовил на телевидении новые фильмы, писал и составлял новые книги и залучить его в гости за пределы столицы было практически невозможно.

Тверякам это удалось.

Помогло несколько обстоятельств. Годом раньше на литературной карте страны появился новый маршрут — «Пушкинское кольцо», созданный энтузиазмом местных властей, краеведов, журналистов. Андроников, возглавлявший Комитет по проведению Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, по-

Вечер в Ниловой Пустыни

могал тверякам в их начинании и словом, и делом, и теперь, когда казавшиеся фантастическими планы осуществились, он просто не имел морального права не осветить звеня «Кольца» своим присутствием. Примерно таков был смысл одного из писем, направленных ему.

Второе обстоятельство, подвигнувшее мэтра на поездку, носило более личный характер: в годы Великой Отечественной он был корреспондентом на Калининском фронте. Здесь, рискуя жизнью, добывал новости для своей газеты. Здесь встретил знаменитого земляка — генерала Чанчибадзе, о котором так блестяще рассказал много лет спустя.

И об этом не забыли тверяки в

своем послании, пообещав встречи с теми, кто помнил Андроникова по военным годам.

— Надо ехать! — сказал Андроников в один из моих приездов к нему в Переделкино, показывая тверскую почту. — А то ведь могут сами нагрязнуть и увезти. Как вы думаете?

Я думал именно так. Недели через две тверяки действительно нагрязнули. Я же был при этом не просто свидетелем умыкания мастера, но и непосредственным участником этой акции, поскольку по просьбе Ираклия Луарсабовича согласился сопровождать его и Вивиану Абеlevну в поездке по тверским градам и весям.

Побывав в Торжке, Грузинах, Ржеве, оказались мы на берегах Селигера, в столице озерного края — Осташкове. Привели нас сюда уже не пушкинские тропы, а фронтовые дороги Андроникова. Нам предстояло переночевать здесь, а утром отправиться в Пено, где квартировал он в годы войны.

Солнце стояло еще довольно высоко, и хозяйева предложили «прокатиться» в Нилову Пустынь — некогда знаменитый на всю Россию монастырь, основанный в самом начале XVII века на острове Столбном. Андроников отреагировал на это предложение с большим энтузиазмом, воскликнув: «Непременно и обязательно!» Я же был несколько смущен, ибо знал, в каком состоянии находится эта некогда красивейшая и богатейшая обитель. Однако возражать не стал: в конце

концов не я здесь хозяин.

Комфортабельный и элегантный катерок птицей летел по спокойной воде, отливающей червонным золотом. И вот, словно мачты затонувшего корабля, показались на горизонте верхушки Богоявленского собора. А вскоре швартовались мы у гранитной монастырской пристани.

Нилова Пустынь поражает какой-то удивительно петербургской красотой своего ансамбля. Не верится, что находишься не в северной столице, а в сотнях километров от нее, среди вод и лесов...

Было тихо и печально в эти часы на острове, где несколько веков назад псковский монах Нил положил начало знаменитой обители. Запустение, царившее вокруг, отдавалось в душе привычной грустью по безвозвратно ушедшему времени, когда в эту пору дня звонили здесь к вечерне и звон этот плыл над водой, достигая соседних островков...

В Осташков возвращались в сумерках. На бакенах, обозначающих фарватер, зажглись огни, дробившиеся в закатной воде зыбкими золотыми дорожками.

На память о посещении Ниловой Пустыни осталось у меня много снимков, сделанных моим товарищем и коллегой — осташковским журналистом Юрием Крыловым. Самые удачные я подарил Ираклию Луарсабовичу. Один из них стоял потом на его рабочем столе. Тот самый, что публикует сегодня «Вечерка».

Алексей ПЬЯНОВ.

Андроников Ираклий

14.03.94